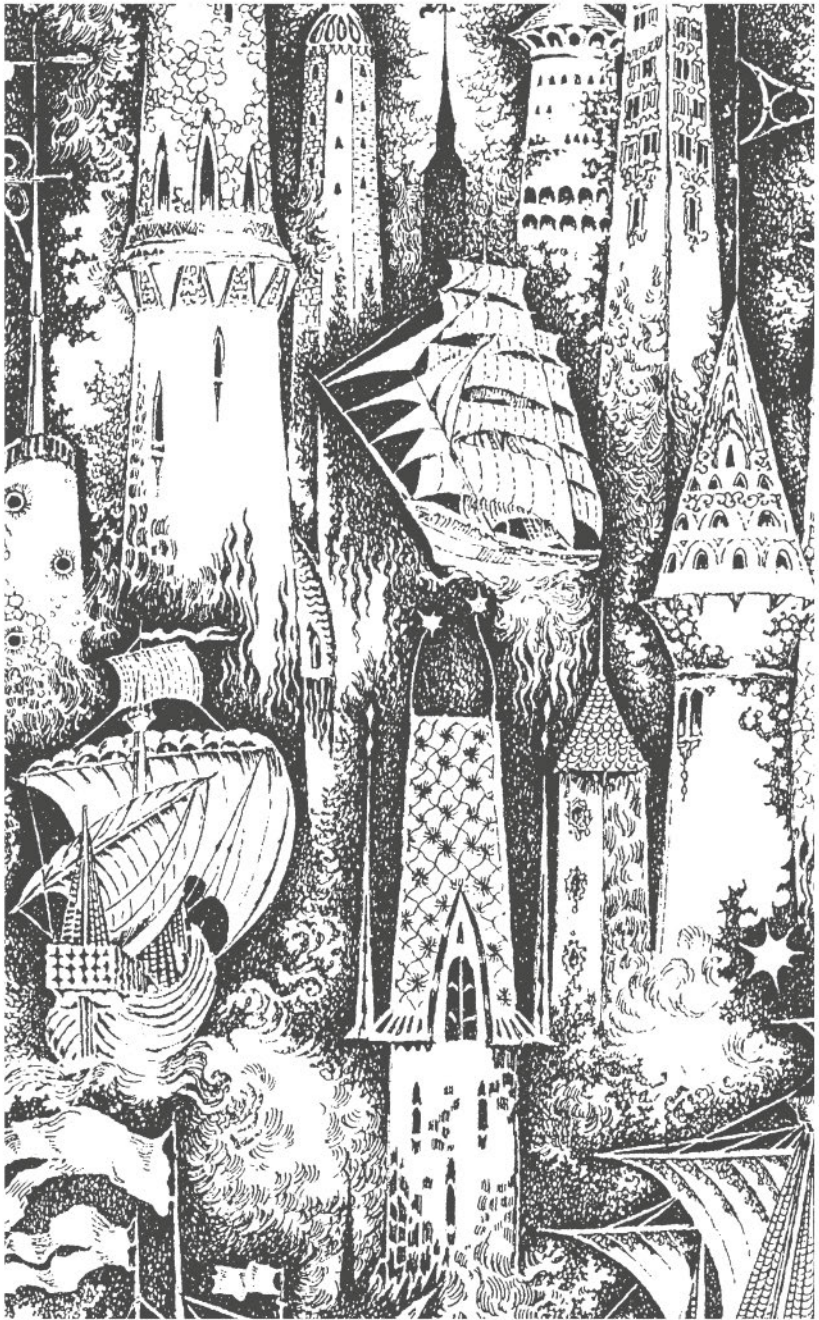

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Владислав Крапивин

ЛЕТЯЩИЕ СКАЗКИ

Санкт-Петербург

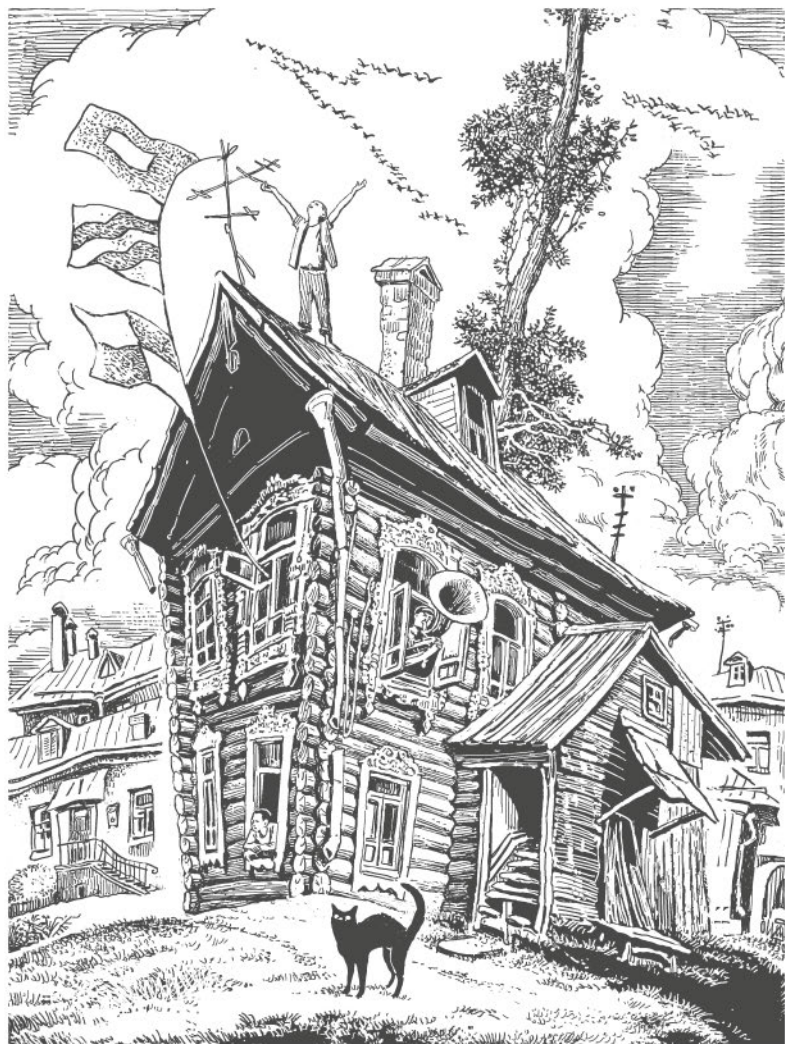
УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445
К 77

Оформление обложки Егора Саламашенко
Иллюстрация на обложке Евгении Стерлиговой
Иллюстрации
Евгении Стерлиговой, Сергея Григорьева

ISBN 978-5-389-22212-0

© В. П. Крапивин (наследники), 2022
© Е. И. Стерлигова, иллюстрации, 2022
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство Азбука®

СТАРЫЙ ДОМ

Этот случай принес много неприятностей товарищу Кычикову. Товарищ Кычиков был домоуправляющим. Неприятности у него бывали и раньше. В подъездах терялись мусорные ведра и веники. Однажды потерялся дворник дядя Митя, но потом нашелся. Пропали доски, привезенные для ремонта, и не нашлись (тоже была неприятность). Но чтобы исчез целый дом?.. Тем более, что в нем имелся жилец, не уплативший вовремя за квартиру.

Товарищ Кычиков не верил своим глазам. И другие товарищи сначала тоже не верили. Но хочешь — верь, хочешь — нет, а на углу улиц Садовой и Холодильной до сих пор пустое место. Летом оно зарастает одуванчиками, а зимой там ребятишки из детского сада номер двадцать восемь лепят снежных баб.

Дом был небольшой. Старый и деревянный. Двухэтажный. Жили в нем разные люди: монтер Веточкин, который всем чинил электроплитки и любил играть в домино; фотограф по фамилии Кит, который фотографировал только на работе, а дома — никогда; очень застенчивый музыкант Соловейкин, который играл на трубе. Жила Аделаида Федоровна — женщина, считавшая, что ее все обижают. Жил Вовка — обыкновенный третьеклассник. Еще обитал в доме ничей котенок с удивительным именем — Акулич. И, кроме того, в квартире номер шесть проживал Петр Иванович. Днем он работал в конторе, а по вечерам писал жалобы. На всех по очереди. На монтера Веточкина — за то, что он чинит электроплитки, а телевизоры чинить не умеет. На музыканта Соловейкина — за то, что однажды он солнечным майским утром заиграл дома на трубе. На Вовку — за то, что он не поздоровался на лестнице. На Акулича — за то, что он ничей. На товарища Кычикова — за то, что он допускает все эти безобразия.

Ответы на жалобы иногда приходили с опозданием. Тогда Петр Иванович писал жалобы на тех, кто задерживает ответы.

У старого дома был свой характер. Одних жильцов дом любил, других — не очень. Иногда он бывал в хорошем настроении, весело хлопал дверьми, празднично звякал стеклами, посвистывал всеми щелями и даже в самые темные углы пускал солнечных зайчиков, за которыми охотился Акулич. Иногда дом сердился или скучал. Ступени сварливо скрипели, углы с кряхтением оседали, с потолков сыпались чешуйки мела.

Но не думайте, что дом был ворчлив и страдал болезнями. Грустил он редко, ревматизма у него не было, и он не боялся сырой погоды.

О том, что у дома есть характер, знали только Вовка и Акулич. Но Акулич никому про это не рассказывал, потому что не умел говорить. А Вовка не рассказывал, потому что некому было. О таких важных вещах говорят лишь самым надежным друзьям, которые все понимают. Но Вовкин друг Сеня Крабиков уехал. Насовсем. В город, который лежит у Очень Синего моря. Иногда получается в жизни так неправильно: живут два хороших друга, а потом вдруг один уезжает. Далеко-далеко. А второй остается. И обоим грустно. Ведь не так легко найти нового хорошего друга. Да если и найдешь, он не заменит старого.

Летом в доме появился новый жилец. Капитан Самого Дальнего Плавания, который вышел на пенсию. Это был настоящий Старый Капитан.

Как все старые капитаны, он курил большую трубку, скучал по морю и носил куртку с блестящими пуговицами и нашивками.

Он поселился в квартире номер пять у своей взрослой дочери. Дочь говорила, что очень рада. Она и в самом деле была рада. Но Капитан громко кашлял по ночам, и была у него привычка тяжело ходить из угла в угол. А со своей комнатой Капитан сделал что-то непонятное. Он развесил по стенам бело-синие морские карты и фотографии больших пароходов. Напротив двери он прибил портрет бородатого хмурого человека. А в углу у шкафа... Нет, вы только подумайте! Старый Капитан укрепил там на стене корабельный штурвал. А рядом поставил тумбочку с морским компасом. Компас был величиной с кастрюлю и назывался «компа́с». Тумбочку капитан сколотил сам. Называлась тумбочка «нактоуз».

В компасе не было видно стрелки. Вместо нее качалась на игле круглая шкала с маленькими цифрами и большими буквами; N, O, S, W. Шкала называлась «картушка». Учтите: не «катушка»

и не «картошка», а «картушка». Сверху, по краю компаса, лежало широкое медное кольцо, а под ним — на белой внутренней стенке компаса — была черта. Курсовая черта. Раньше, когда компас находился на судне, черта смотрела вперед. Туда же, куда был устремлен нос корабля. А картушка всегда смотрела буквой N на север (под ней все-таки были спрятаны магнитные стрелки). Когда корабль поворачивал, курсовая черта поворачивалась тоже и скользила над числами картушки. А потом останавливалась и показывала курс: куда плывет корабль.

Дом — не пароход и не фрегат. Он стоит на месте. И поэтому черта, уткнувшись в стену, застыла на одном курсе: двести тридцать пять градусов. Это было немножко грустно...

...Конечно, Вовка быстро подружился со Старым Капитаном. Они оба любили сквозняки, фильмы про море, серьезные разговоры и приключения. Оба не любили рано ложиться спать, книжки, где только одна любовь, манную кашу и Аделаиду Федоровну.

По вечерам Вовка часто приходил к Старому Капитану. Он крутил штурвал, смотрел на компас и слушал Истории. Их рассказывал Капитан. Истории были разные: про извержение нового вулкана на острове Тристан-да-Кунья, про Арктику, про ручного пингвина Семку, про плавание по Дуге Большого Круга, про Сингапур, тайфуны и последнего пиратского капитана Питера Гринхауза, который потом исправился и жил на маяке вдвоем с собакой по имени Ахтер-Буба.

Дом тоже слушал истории. Он впитывал их щелями высохших бревен вместе с дымом капитанского табака.

Иногда приходил Акулич. Капитан давал ему сардельку. Акулич хватал ее поперек туловища, уволакивал под нактоуз и там урчал от аппетита. Это урчание напоминало отдаленный шум судовых машин.

Однажды, во время Истории про голубого кита и подводную лодку, поднялся за окнами ветер. Это был августовский ветер — предвестник осенних ветров. Хлопали ставни. Звякали стекла. Дом скрипел и шевелился. В квартире Петра Ивановича распахнулась форточка, и порыв ветра унес со стола все жалобы, написанные за этот вечер. В квартире музыканта Соловейкина сама собой тихонько заиграла труба. Замигали лампочки. Акулич притих под нактоузом. А картушка в компасе, покачавшись, вдруг медленно пошла вправо, и курсовая черта сползла на два градуса к югу.

- Мы поворачиваем, — сказал Вовка.
- Ну и дела, — сказал Старый Капитан. — А может быть, это Акулич сдвинул нактоуз?
- Не сдвигал он, — сказал Вовка. — И я не двигал.
- Не мог же повернуться дом, — сказал Капитан.
- Лишь бы не узнал товарищ Кычиков, — задумчиво сказал Вовка.

Дочь Старого Капитана купила телевизор. Она долго вздыхала и жаловалась, что его некуда поставить. Вот когда этажерка стояла в том углу, где сейчас штурвал, в квартире было просторнее и уютнее...

Капитан послушал ее речи, подымил трубкой и подарил Вовке штурвал и компас с нактоузом.

У Вовки дома был свой угол. В нем Вовка играл солдатиками, мастерил подъемный кран и писал письма Сене Крабикову. Сюда же Вовку ставили за всякие провинности: просто другого свободного угла в квартире не было. Вовка прикрепил штурвал и поставил нактоуз.

— Ну вот, — сказала мама. — Теперь стояние в углу превратится для него в сплошное удовольствие.

— Не превратится, — успокоил отец. — Такие игры быстро надоедают.

Угол был на том же месте, что и в комнате Капитана. Только не на втором этаже, а на первом. Картушка покачалась и застыла. Курсовая черта снова замерла над делением двести тридцать пять градусов. Вернее, уже двести тридцать три. А еще точнее — двести тридцать два с половиной.

Вовка любил разглядывать стены в комнате Старого Капитана. Любил морские карты, совсем не похожие на те, что в учебниках, любил фотографии пароходов. Любил даже большого крючконосового идола, которого Капитан привез из Африки. И только портрет бородатого человека не понравился Вовке.

Лицо бородатого человека было неприветливым. Одну щеку от глаза до губы пересекал шрам. Человек смотрел на Вовку (а может быть, мимо Вовки) угрюмо и неодобрительно. И Вовка прятал глаза.

Один раз он спросил:

— Это кто? Писатель?

— Нет, что ты, — сказал Старый Капитан.

— А кто? Путешественник?

— Путешественник? Да, пожалуй...

— Знаменитый?

— Ну, нет. Пожалуй, не знаменитый.

— Нисколько?

— Наверное, нисколько. Но какая разница? — сказал Старый Капитан.

— Если не знаменитый, тогда зачем он здесь? — сумрачно спросил Вовка. — Такой некрасивый и сердитый.

Старый Капитан удивленно взглянул на Вовку. Потом долго смотрел на портрет.

— Нет, — сказал он уверенно. — Неправда. Это мой Лучший Друг. Лучшие друзья не бывают сердитые и некрасивые.

Тогда Вовка поднял глаза и тоже стал смотреть на портрет. А дома Вовка вырвал из тетради листок и достал цветные карандаши. Он не умел хорошо рисовать, но сейчас посидел с закрытыми глазами и все как следует вспомнил.

Вовка нарисовал желтые, как пшеница, волосы и коричневые глаза. Потом нарисовал большой смеющийся рот и немножко оттопыренные уши. И получился портрет Сени Крабикова. Вовка взял четыре кнопки и приколот портрет в углу над штурвалом.

И наверное, Вовка задел нактоуз. Потому что картушка качнулась, и курсовая черта перешла еще на два градуса к зюйду.

Стоял очень теплый сентябрь. И деревья были еще зеленые, и цвели в канавах мелкие аптечные ромашки. Только синий цвет неба стал чище и плотней, чем летом. И в этой синеве пролетали иногда над городской окраиной неровные треугольники гусиных стай. Это молодые птицы учились искусству полета перед трудным и дальним путем.

Щурясь от солнца, Капитан и Вовка смотрели из окошка на птиц. Старый Капитан достал из ящика стола стопку разноцветных флагов и сказал:

— Хорошо им, молодым. Но первый рейс — всегда нелегкий. Давай поднимем для них морской сигнал «Счастливого пути».

Вовка подпрыгнул:

— Давайте!

Из форточки они забросили на антенну телевизора бельевую веревку. И на этой веревке подняли над крышей флаги: один — синий с белым прямоугольником посередине; второй — красный с желтыми косыми полосками; третий — с квадратами, как на шахматной доске: два белых и два красных.

Солнечный ветер подхватил флаги, и они захлопали, как большие крылья.

Но через полчаса к Старому Капитану постучал товарищ Кычиков.

— Я, конечно, извиняюсь, — сказал он. — Здравствуйте. Вы только поймите меня правильно. Мне лично все равно, висят эти флаги или нет. Но с начальством получатся неприятности. Нет у нас в домоуправлении такого порядка, чтобы, значит, морские флаги. Без особого распоряжения...

— Ну, нет так нет... — вздохнул Старый Капитан. — Ничего не поделаешь.

— Вы только поймите меня правильно, — снова сказал товарищ Кычиков. — Неприятности...

Потом он спускался по лестнице, и дом сердито гудел и потрескивал. Он был, видимо, недоволен.

— Ничего, — сказал Вовка, чтобы утешить Капитана. — Птицы все равно уже видели сигнал. Это факт.

Они хотели снять флаги. Но конец веревки выскользнул из форточки и качался на ветру. Нельзя было до него дотянуться.

Вовка выскочил во двор. Его, конечно, не волновало, что у товарища Кычикова могут быть неприятности. Но он не хотел, чтобы неприятности были у Старого Капитана.

По шаткой приставной лестнице Вовка забрался на крышу. Это было страшно. Крыша оказалась очень высокой и очень крутой. И ветер здесь гудел сильнее, чем внизу. Но Вовка вел себя смело. Он все же добрался до антенны и снял флаги, хотя два раза чуть не покатился кубарем и ободрал о ржавое железо оба колена.

Прежде чем спуститься, Вовка посмотрел на горизонт. Горизонт был дымчато-синим, словно там стояло туманное море.

Старый Капитан сначала рассердился на Вовку: ведь тот мог свалиться и сломать шею. Но потом он сказал, что Вовка — молодец.

Капитан забинтовал Вовке колени и подарил за смелость старинный морской бинокль с медными ободками у стекол.

Вы представляете, как был счастлив Вовка! Прежде всего он еще раз слазил на крышу и осмотрел весь горизонт. Правда, моря он не увидел, но настроение от этого не испортилось. Весь вечер Вовка не выпускал бинокль из ладоней. Он рассматривал ближние дома и улицы. Разглядывал в бинокль прохожих. Смотрел на себя сквозь него в зеркало. И даже котлету в тарелке пытался рассмотреть таким же способом.

А потом Вовка открыл в бинокле одно свойство: если смотреть в него наоборот, все близкое кажется далеким. Комната превращается в длинный коридор, потолок убегает на звездную высоту, а котенок Акулич делается крошечным, как муха.

А когда Вовка смотрел на свои ноги, они становились тонкими и такими длинными, что бинты на коленях казались белыми точками. А тротуар казался просто ниточкой.

Попробуйте пройти по такой ниточке на таких высоченных ногах! Вовка вышел за калитку и попробовал. Его сразу же зашатало, как неумелого канатоходца. Но зато было интересно.

Жаль только, что Вовка смотрел в бинокль и, кроме ног, ничего не видел. Именно поэтому он стукнул головой Аделаиду Федоровну, которая возвращалась с работы. Представляете, что тут было?

Аделаида Федоровна сказала, что она всегда считала Вовку невоспитанным ребенком, но не думала, что он решится на Такое Хулиганство.

Конечно, она пошла к Вовкиным родителям и наябедничала. Она сказала, что это сверхвозмутительно, когда дети как сумасшедшие кидаются на больных людей и чуть не ломают им ребра.

И родители велели Вовке идти и как следует просить прощения. Вовка уставился в пол и сказал:

— Не пойду. Я уже один раз сказал «простите», когда стукнулся. А она еще ябедничает...

— Я вот покажу тебе «не пойду»! — сказал отец.

— Будешь стоять в углу, пока не извинишься, — сказала мама.

— Ну и пожалуйста, — сказал Вовка.

И начал стоять в углу. Он не смотрел телевизор. Не ужинал. Не читал книжку «Водители фрегатов». Он стоял, прижимаясь лбом к теплему дереву штурвала, и вспоминал, как полоскались на ветру флаги. А наверху кашлял и шагал из угла в угол Старый Капитан. Может быть, он огорчался, что Вовка не зашел к нему в этот вечер. А может быть, просто сильно тосковал о море.

— Ну, довольно, — не выдержала мама. — Отправляйся спать. А завтра извинишься перед Аделаидой Федоровной.

— Не извинюсь, — сказал Вовка.

— Будешь стоять всю ночь, — пригрозил отец.

— Буду.

— Ну и стой!

Конечно, родители думали так: захочет Вовка спать и все равно отправится в постель.

Но Вовка не отправился. У него появилась гордость. Ведь он был уже немного капитаном: он умел обращаться с компасом, держал в руках настоящий штурвал и поднимал на ветер морские флаги.

Когда был выключен свет и наступила тишина, Вовка зажег лампочку нактоуза и осветил картушку. Она вела себя беспокойно.

Вовка взял в ладони рукоятки штурвала.

Сеня Крабиков смотрел на Вовку с портрета.

— Очень хочу к тебе, — сказал Вовка.

Сеня Крабиков улыбался. За окнами нарастал ветер. Вовка сел на пол, прислонился к нактоузу и уткнулся лбом в забинтованные колени.

Он уснул.

И все в доме уснули.

Спал Петр Иванович, и ему снилось, что на все его жалобы пришел Положительный Ответ.

Спал Старый Капитан. Ему снилось, что на шведском судне «Викинг» загорелись тюки с джутовым волокном и надо спешить на помощь.

Музыкант Соловейкин видел, будто он выступает с концертом в пионерском лагере, и улыбался.

Аделаиде Федоровне снилась всякая неразбериха.

А Вовке?

Вовка видел, будто в светлую луговую речку зашел с дальнего моря громадный пароход. У него был высокий черный корпус, блестящие иллюминаторы, многоэтажные белые надстройки и желтые мачты. Пароход заполнил собой речку от берега до берега. Он двигался медленно и бесшумно, и его борта нависали над солнечными травами. Крупные ромашки ласково касались бортов лепестками.

А дом не спал. Он ждал, когда с ночной прогулки явится Акулич.

Акулич явился.

Больше ждать было нечего. Дом уже ничего не скрывал и не таился.

Он приподнял со скрипом один угол, потом другой, медленно повернулся. Звякнув, лопнули провода. Теперь ни одна нитка не держала дом на месте. Он качнулся, двинулся вперед, расшатывая кирпичи фундамента. А потом перестал вздрагивать и бесшумно, как в немом фильме, поднялся в воздух...

Зачем он это сделал?

Ну, во-первых, он любил Вовку. Любил Старого Капитана. А во-вторых, его построили из бревен, которые были когда-то прямыми и высокими соснами. Их называют корабельными. Эти сосны мечтали стать мачтами барков и бригантин. Потом, улегшись в сруб, они задремали и забыли о мечтах. Старый Капитан разбудил их своими Историями...

А может быть, дело в другом. Говорят, что, если в доме появляются штурвал и компас, дом понемногу становится кораблем. Его тихо разворачивает курсовой чертой к зойду — в ту сторону, где теплые моря и Ревущие Сороковые Широты.

И неизвестно, чем это кончится, если не вмешается домоуправление.

Итак, дом поднялся и полетел на юг. Он летел под самыми облаками, среди которых мчалась круглая белая луна. Лунные пятна проскальзывали в щели и прыгали по морде Акулича, который спал в коридоре. Акулич дергал ушами.

А внизу по темным травам стремительно скользила большая квадратная тень...

Вовка проснулся от непонятного ощущения. Ему показалось, что за ночь комната сделалась шире и выше. Ее заполнял удивительный синий свет, пересыпанный солнечными бликами. За стенами дома нарастал и откатывался незнакомый и в то же время очень знакомый рокот. Вовка подбежал к окну.

Изумленными синими глазами он смотрел на Очень Синее Море, которое катило на песок волны. Волны были с шипучими белыми гребешками, их гнал к берегу Утренний Ветер.

Вовка чуть-чуть не заплакал, засмеялся и, распахнув створки, прыгнул навстречу.

Распластанная по песку волна сейчас же залила его сандалии и добралась почти до колен. У ног завертелся царапающий вихрь мелких камушков и песчинок. Убегая, волна мягко потянула Вовку за собой, но тут накатила другая.

Вода была теплая и упругая, а ветер прохладный и плотный, но очень добрый. Он поставил торчком отросший Вовкин чубчик, вытащил из-за пояса и надул парусом его рубашку. Вовка повернул к ветру ладони. Они покрылись брызгами, похожими на стеклянную пыль.

Над морем косо расчерчивали воздух чайки. Они удивленно кричали. Конечно, они удивлялись не Вовке: мало ли мальчишек бродит по берегу. Чайкам было непонятно, откуда взялся на берегу старинный бревенчатый дом.

Вовка оглянулся.

Дом стоял, зарывшись одним углом в песок. Он еще не совсем замер после движения, поскрипывал и оседал. Под бревнами хрустели ракушки. Стекла сверкали синим отблеском волн.

— Это сверхвозмутительно! — донесся со второго этажа голос Аделаиды Федоровны. — Я теперь опоздаю в поликлинику! Это все ваши фокусы, товарищ Капитан Самого Дальнего Плавания!

Старый Капитан не отвечал. Под его шагами весело пела лестница: он спускался к морю, чтобы поздороваться с волнами и Утренним Ветром.

За тюлевой шторкой маячила согнутая у стола фигура Петра Ивановича. Наверное, он составлял план жалобы в Управление Всех Морей и Океанов.

На крыльце сидел Акулич. Он вышел на воздух, чтобы умыться, и очень удивился. Иногда он взъерошивал спину и замахивался лапой на гривастые волны.

БАРКЕНТИНА С ИМЕНЕМ ЗВЕЗДЫ

Баркентина, или шхуна-барк, — большое морское парусное судно, имеющее не менее трех мачт... Фок-мачта всегда вооружена только прямыми парусами, все остальные мачты — сухие, т. е. несут лишь косые паруса.

Краткий морской словарь для юношества

— А все же этот парень держит судно в руках, — сказал самый старший матрос...

Ф. Купер. Красный корсар

СОДЕРЖАНИЕ

СТАРЫЙ ДОМ. <i>Рассказ</i>	5
БАРКЕНТИНА С ИМЕНЕМ ЗВЕЗДЫ. <i>Повесть</i>	17
ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ. <i>Повесть</i>	55
КОВЕР-САМОЛЕТ. <i>Повесть</i>	147
ДЕТИ СИНЕГО ФЛАМИНГО. <i>Повесть</i>	287
ВОЗВРАЩЕНИЕ КЛИПЕРА «КРЕЧЕТ». <i>Повесть</i>	435
ТОПОЛИНАЯ РУБАШКА. <i>Повесть</i>	535
СТРАЖА ЛОПУХАСТЫХ ОСТРОВОВ. <i>Роман</i>	623

Крапивин В.

К 77 Летящие сказки : рассказ, повести, роман / Владислав Крапивин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 864 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-22212-0

На небосводе отечественной фантастики планета Владислава Крапивина кружит по особой орбите. По особой изначально, с начала 1960-х годов, когда писатель Крапивин вошел в круг нашего чтения и сделал в литературе имя.

Впрочем, имя — это для нас, читателей. Для тех, кто раздавал звания и выстраивал писателей по ранжиру, читательское признание не закон. Крапивин и проходил-то вечно по ведомству детской литературы. Внешне оно понятно. Главные герои крапивинских книг — мальчишки. Но автор пускал их в плавание по беспокойным морям житейским, ни в чем не делая им поблажку и скидку на мальчишеский возраст. Свой путь, а он есть у каждого, герой должен был пройти сам. Сохранив при этом себя. Потому что такие качества, как Честь, Мужество, Справедливость, никогда не теряют блеска, подобно шпаге в мушкетерской руке.

Тема полета особенно любима читателями, а уж тем более — читателями фантастики. Потому что это одна из самых удачных и благодатных литературных тем. Свой след в «небесной» литературе оставили такие первоклассные мастера, как Клайв С. Льюис, Антуан де Сент-Экзюпери, Рэй Брэдбери, Александр Беляев, всех и не перечислить. С полным правом к этой славной компании можно отнести и Владислава Крапивина. Герои его романов, повестей и рассказов хоть и живут на земле, хоть и делят вместе со всеми тяготы непростой жизни, но глаза их устремлены к небу. Потому что где, как не в небе, спрятаны сокровища наши.

Сборник включает в себя полный цикл знаменитых «Летящих сказок», а также роман «Стража Лопухастых островов», тематически примыкающий к этому циклу.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-445

Литературно-художественное издание

ВЛАДИСЛАВ ПЕТРОВИЧ КРАПИВИН
ЛЕТЯЩИЕ СКАЗКИ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анна Быстрова, Маргарита Ахметова,
Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.11.2022. Формат издания 60 × 90^{1/16}
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 54.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-FFB-31174-01-R